

ЗаПредельщики

Глава 1

- Три по две? И повторить?

- По одной.

Буча мотнул головой, осклабился.

- Что именно?

- Запредельную!

Улыбка пропала. Глаза Бучи из приветливых стали жёсткими. Не глаза, а сухая трава. А как иначе-то? Запредельную просто так не берут. А если и заказывают, то и к бабке не ходи – дело серьёзное. Очень серьёзное. Такое, что толпа зомбаков товарищами покажется.

Буча протёр стаканы, пустил их по стойке.

Спросить бы, что случилось. А нельзя. Во-первых, не скажут. Во-вторых, уйдут. Даже матом крыть не станут – развернутся и поминай, как звали, хотя имеют полное право. Не уходить. Ругаться. Тройки – они суеверные. Не любят, когда перед Пределом им вопросы задают. Они и между собой-то не очень говорят. Про задание. Всё больше по пустякам. Вон один, за слушача который, вообще молчит.

- Тебе не идёт, Буча. Мысли не к твоему лицу и не для твоего заведения, - Седой, который был в тройке за старшего, внимательно посмотрел на бармена.

- Или зажилил? – проворчал третий, которого свои же товарищи звали СтаршОй. По возрасту, наверное.

Буча коротко хмыкнул, но спорить не стал. Не сейчас. Не время. Ни для него, ни для тройки. Впереди Предел, а с ним не шутят. Как и он со всеми.

- Ну? – нахмурился Старшой и сердито засопел.

Уж очень сердито. Так, что двое его товарищей чуть не фыркнули от смеха.

Игру Буча поддержал.

- Момент, - пискнул он и, сквозняком метнувшись в подсобку, вернулся с бутылкой, обмотанной черной изолентой.

- Угу, - благосклонно кивнул Седой.

- Угу, - эхом повторил Буча и проворно скovyрнул крышку.

Раздалось лёгкое шипение. Тройка вытянула шеи, захлопала глазами, глядя, как над горлышком появилось лёгкое, еле различимое облачко, и пахнуло свежестью. Утром. Рекой. Нормальной жизнью, которую теперь помнят разве старики вроде Старшого.

Осторожно Буча наполнил стаканы. Припечатал бутылку, отступил, слился с полутьмой, застыл неподвижно. Только глаза внимательно смотрели, как три бойца, разобрав стаканы, застыли, глядя на прозрачную жидкость. Странно смотрели. Как будто пытались понять что. Или вспомнить. Впрочем, кто их, запредельщиков, знает, что у них на уме?

Странные они. И вообще, и сейчас. Впрочем, за Предел других людей и не отправляют. Не выживут. Не вернуться. А если и вернуться, то уже не людьми. Таким лучше сразу оставаться за Пределом. Или в слухачи подаваться. А что? Бывало и такое...

Что именно бывало, вспомнить Буче не удалось. Седой заговорил. Бросил быстрый взгляд на своих, поднял стакан, посмотрел, как цепляются к прозрачным стенкам пузырьки, улыбнулся коротко, сухо:

- Чтобы вернулись.

- Чтобы вернулись, - повторил Старшой.

- Чтобы, - впервые подал голос слухач, осторожно влил в себя жидкость и вернул пустой стакан на стойку, туда, где уже стояли два других.

Молча, без привычных шуток, тройка потянулась к выходу, скрылась в дверном проёме, сгнула в темноте. Как и не было.

- Да-а, дела, - выдохнул Буча, потянулся за полотенцем.

- Слышишь, друг, - послышалось вдруг из полутёмного зала, где сидело несколько посетителей.

- Да? – поднял брови Буча.

- Да это... Что это было-то?

- Где? – на всякий случай переспросил бармен, как никто другой знающий, что иногда лучше прикинуться тупым. Или глухим.

- Да в бутылке. Из которой пили эти... что ушли только что.

Буча выразительно пожал плечами, промычал что-то невнятное и принялся натирать стойку. Пусть думают, что и тупой, и глухой сразу. Или

очень хитрый. В любом случае, отвечать Буча не станет. Но знает. Сам заматывал бутылку изолентой. Сам прятал в подсобку. Сам доставал перед этим на каком-то чудом уцелевшем складе. Тогда из-за этой минералки столько народу передралось.

А? Проговорился?

Ну да. Трепло болтливое. Проговорился.

Хорошо, что не вслух.

И, покачав головой, Буча продолжил наводить лоск.

Глава 2

К Пределу вышли на рассвете.

- Красота-а, - потянул Старшой, глядя перед собой.

Слухач вскинул подбородок и что-то пробубнил себе под нос. Наверняка тоже восторженное.

Седой сердито засопел, уронил мрачно:

- Угу. Красота. Это пока жутики не встретились. А то будет вам такая красота - тошно станет.

- Ты это и в прошлый раз говорил. Не встретили же, - возразил Старшой, явно нарываясь на взбучку: выход за Предел ничем не отличался от боевого задания, и за небрежение дисциплиной можно было огрести по полной.

Седой подначки не заметил. Или сделал вид. Только бросил глухое «Двинули» и первым шагнул в высокую - по колено - траву. Остальные двинулись следом, забыв про пейзаж.

Густое, пряное разнотравье занимало всё поле, от самого горизонта, где виднелся зелёный перелесок, до границы - вздыбленной полосы земли, где начинался Город. После борозды травы не было. Деревьев тоже. Как будто зелень специально отказывалась расти. Или по приказу. Колючки не в счёт.

Сейчас по этому разнотравью шли трое. Теперь первым шагал Старшой, следом слухач. Замыкал Седой. Он из-за своей вредности не особо доверял слухачу и мрачно шарил взглядом по полю, готовый среагировать при малейшем подозрении.

Чисто.

Поле пересекли за час. Перелесок - за считанные минуты, хотя здесь все чувствовали себя не в своей тарелке. Мало ли, что там за деревом встретится. Или с дерева сиганёт. Обошлось.

В посёлок пошли не таясь. Смысла не было. Жутики - не солдаты, они в войну не играют, засад не устраивают. Они просто доставляют неудобства. Никто не знает, как себя поведёт аборигенская жуть. Даже они сами. Это с виду они люди, а так... кто его знает, что на самом деле с ними стало?

Пять домов, девять пристроек. То ли гаражи, то ли сараи, заборы, кривые лавочки, оставленная в овраге почти что целая машина. Всё запущенное, унылое, блеклое. Перестроились, пропустили вперёд слухача. Тот стиснул зубы, кивнул коротко и почти без перехода вскинул острый подбородок. Там!

Оттеснив слухача, Седой с товарищем осторожно заглянули за угол. На низкой скамейке сидела старуха с почерневшим от солнца лицом и подросток в мятой кепке. И женщина в платье. Нарядная. Как будто собралась пойти куда. Вот только не пойдёт. Достаточно одного взгляда.

Тусклые, выцветшие. Блеклые, как и всё в посёлке.

- Здесь спокойно, - бросил Седой.

- Уверен? – Старшой решил проявить осторожность.

- Уверен. Эти из тихих. Не тронут.

Слухач зашагал дальше, продираясь через высокие – в метр и больше – лопухи.

- Слышь, - негромко произнёс Старшой командиру. – Я вот не помню. В прошлый раз эти тоже там сидели?

Седой мотнул головой.

- Нет. В прошлый раз здесь только дед был. Сарай подпирал.

- Куда делся?

- А кто их знает? В нашу сторону перемещений не зафиксировано. Тревоги тогда не было.

- Ушёл, значит.

- Улетел...

У забора слухач застыл на месте, схватился за голову, скривился.

Старшой перехватил оружие, кивнул коротко. Седой уже действовал. Вытянул шуп, провёл над землёй, осторожно взлохматил траву. Раз, другой, третий. Посмотрел на слухача. Тот закивал. Мол, точно, ошибки быть не может. Седой повторил сначала. Пусто. Нахмурился, но почти сразу же выдохнул: «Есть!».

Достал из сумки контейнер, щёлкнул замком, наклонился к земле:

- Вот он, сволочь. Лежит перед самым носом и не отзывается.

- Скажи спасибо, что не отзывается. А то позеленеешь. И в темноте светиться станешь. В лучшем случае. А в худшем...

Седой опустил контейнер на небольшой, невзрачный с виду, камешек, сомкнул створки. Снова с щелчком сработал замок. На контейнере загорелся жёлтый индикатор.

- Да, опасная штука, - процедил Старшой. – И откуда она здесь взялась? Откуда вообще эта хрень берётся? Птицы приносят? Местные? Как сувенир? Хороший подарочек – счетчик с ума сходит... А нам ходи, ищи, тащи, переживай.

Командир пожал плечами, мол, а то ты не знаешь! Спрятал контейнер обратно, хмыкнул. Домой.

Глава 3

Привал сделали после Предела. На сухой, выжженной солнцем земле, где если и росла трава, то годилась бы разве что на растопку. Отошли от границы и расположились сразу за насыпью из бетонных блоков и пустых бочек. Не дот, но в случае чего – пригодится. Достали пайки.

Сначала жевали молча, хотя Седой знал – Старшой долго не выдержит. То ещё трепло. Так и вышло.

- А быстро мы, - проговорил Старшой, размазывая по хлебу тушёнку. – Прямо реактивно.

Слухач поперхнулся и кашлял до тех пор, пока крепкий кулак Седого не опустился ему на спину.

- Дурак, - с укоризной проворчал командир.

Не стукачу. Старшому. Потому что и в самом деле дурак. Знал же, что нельзя при слухачах говорить про реактор, так на тебе. Ляпнул! Пусть даже и не напрямую. А слухачи – народ впечатлительный, тонкий. Раннимь, в конце концов. Их так ТОГДА ранило, что они до сих пор оправится не могут. Даже несмотря на то, что в ТОТ день они были обычными людьми, а после – не совсем.

Молчание Седого Старшой счёл за самое обидное ругательство. Но спорить не стал. А что спорить? Точно дурак. С провалами в памяти. Молчать, впрочем, тоже.

- Ну, дурак, - согласился он и прибавил с набитым ртом: - А всё равно мы сегодня молодцы! Справились быстро, никого не потеряли. Сидим себе, жрём. Ещё немного – и дома будем.

- Не скоро, - болтовню Старшого Седой не слушал, но последнее предложение уловил. – Не скоро, говорю. Ещё осколок на базу тащить. Путь неблизкий.

- А почему? – удивлённо вскинул брови Старшой. – Почему не перенести базу прямо сюда? Сидели бы учёные прямо здесь. Да и за осколками сами бы ходили. А что? Предел вот, под боком. Прогулялись бы по травке.

Старшой представил себе, как учёные при полной защите стайкой бредут по густой зелёной траве, довольно хохотнул и дружески толкнул локтем слухача. Тот вздрогнул и растерянно посмотрел на товарищей.

Седой нахмурился, но Старшой и так уже понял, что перегнул палку. Ну, во-первых, сказала усталость, во-вторых, нервишки расшалились. Возраст всё-таки вот так, запросто, за Предел ходить. Тем более, что успел уже там всякого насмотреться и лучше многих знал, что не всегда визит туда походит на приятную прогулку по лужайке. И нападали, и стреляли, и даже съесть пытались. Это если брать только личный опыт. А уж сколько всего слышать приходилось!

- Ладно, больше не буду, - прогудел Старшой. – Это я из вредности всё. И любопытства.

- И ещё из-за того, что язык без костей, - проворчал Седой.

Старшой только отмахнулся:

- Он у всех без костей. А мне действительно интересно, почему каждый раз в их (перемазанный в тушёнке палец ткнул за Предел) населённых пунктах находятся разные люди, хотя ни разу – ну, точно! – не зафиксировано никакого передвижения?

Седой потянулся к фляге, поболтал, открутил крышку и протянул слухачу. Сам же не возьмёт никогда. Ответил негромко:

- Меняются они.

- Кто? Тамошние?

- Ага. Мы за людьми можем наблюдать, за почти людьми. Остальных, в кого они превращаются, - засечь нельзя. Не получается. Там же такая перестройка на всех уровнях – ни один прибор не справится.

Старшой поглядел, как слухач медленно, с отрешённым видом цедит НЗ из фляги, почесал затылок, досадливо крякнул и заработал мрачный взгляд командира.

- Да я не про то, - поспешил отмахнуться он, - я про наши вылазки сюда. Мне одно покоя не даёт...

Седой напрягся, вытянулся в струнку. Почти сразу же застыл и слухач. С фляжкой во рту.

- Почему это, спрашивается, сколько бы мы за Предел не ходили, сколько бы осколков не находили, сколько бы страстей там не терпели, местные никогда не переходят границу, чтобы добраться до нас? Почему они до сих пор не пришли в Город? Мешает что?

Голос Старшого грозил набрать обороты, а вопросы из обычных стать философскими. Помешала тишина. Непростая такая. И взгляды двух человек, которые уставились на что-то за спиной Старшого.

- Чего ещё? – недовольно процедил тот, крутнулся на месте и ошарашенно захлопал глазами. – Растуды ж его в печёнки!..

В пяти метрах от тройки стояла девочка лет пяти-семи в красном в горох платье и сандаликах и серьёзно смотрела на сидевших бойцов. Ветер слабо шевелил светлые, почти белые волосы девчухи, перехваченные двумя лентами.

- Границу не переходят, говоришь, - донёсся глухой голос Седого. – Это раньше было.

Старшой почувствовал, как по спине бежит холодный пот. Липкий. Противный.

- Накаркал.

Глава 4

Три фигуры в камуфляже превратились в камень. Очень долго никто не мог ничего сказать. Только смотреть. Наконец скульптурная группа «На привале у Предела» дрогнула, ожила и даже выдала приветствие:

- Привет. Тушёнку будешь?

Вместо ответа девочка с лентами строго посмотрела на Седого, который проявил гостеприимство, и едва заметно мотнула головой.

- Ещё каша есть. Перловая, - проговорил Седой.

Девочка продолжала молчать.

- Вода, - не унимался Старшой.

Вместо ответа гостя перевела взгляд на Седого и застыла, не сводя светлых глаз с сидевшего на земле командира. На слухача она вовсе не обратила внимания.

- Ты заблудилась? - спросил Седой.

Тихо спросил. Участливо. Даже слишком. Потому, что понял, ЗАЧЕМ именно явилась сюда эта девочка и решил лишний раз не рисковать. За месяцы бросков за Предел ни он, ни его товарищи не помнили такого, чтобы жутики переходили границу. Или пытались перейти. Да они вообще при бойцах не двигаются! Ни одна тройка не видела, чтобы хоть один местный при них пошевелился. Хотя шевелятся. Передвигаются. Ходят. Точно ходят, иначе бы каждый раз в посёлке их встречали одни и те же жути. А не было такого никогда. Местные там всегда разные. В разных местах. Одинаковое только безразличие. В последние пять лет появилось. Причём у всех. И пугало больше, чем нападения первых обитателей Предела.

Девочка оказалась другой.

- Ты к своим шла и заблудилась? – Седой попытался улыбнуться.

Улыбка вышла никудышной, но всё же выглядела лучше, чем оскал Старшого и перекошенное лицо слухача. А всё потому, что гостя в красном платье сделала шаг вперёд, вытянула вперёд руку и, указывая пальцем на Седого, медленно, но чётко проговорила: «Отдай».

Правая рука Старшого дрогнула, но потянуться за оружием не успела. Седой не позволил. Припечатал взглядом к месту. Хотел обратиться к гостье, но она опередила:

- Отдай, это наше.

- Что ваше?

Пока мозг лихорадочно пытался сообразить, что делать, Седой решил попросту тянуть время.

- Вот это, - палец девочки переместился с фигуры человека на сумку. – Осколок.

- Осколок? Ты так его называешь? – второй косой взгляд метнулся к слухачу.

В десятку. Слухач вышел из ступора и, по-прежнему сидя на том же месте, принялся осторожно нащупывать окружение. Судя по отрешённым, немного мутноватым глазам, больше ничего подозрительного рядом не находилось.

- Это не игрушка, - продолжал вещать Седой. – Это опасная вещь. Очень опасная и вредная. Тем более для таких маленьких девочек.

- И как тебя сюда отпустили? – включил режим заботливой няньки Старшой. – Без присмотра, одну.

- Нам не нужен присмотр, - донеслось в ответ.

Догадка шарахнула по голове пудовой гирей. Тройка застыла. Застыло и время. Остановилось, сжалась скрученной пружиной.

- Нам нужен осколок, - проговорила гостья. – Мы заберём его и уйдём назад.

Старшой открыл было рот, чтобы спросить, кто такие «мы» и где они находятся, но тут вмешался Седой. Пошарив в сумке, он вытащил контейнер и что есть силы пустил его в сторону Предела.

Девочка вздрогнула. Хрупкая фигурка шатнулась в сторону улетевшей вещи, стала двоиться, пошла помехами. Больше ничего тройка заметить не успела. Схватив оружие и что попало под руку, бойцы рванули в противоположную сторону.

Глава 5

К машине не прибежали – примчались.

- Валим, валим отсюда! – Седой прыгнул за баранку и зарычал диким зверем на слухача, который отстал от других на пару шагов. Рывнул мотор. Пикап вздрогнул, заурчал утробно.

- Ва-а-а-лим!! Домо-о-ой! – Седой уже не кричал – вопил в предвкушении рывка от границы и всех пережитых ужасов, когда рядом прозвучало ледяное «Стоять».

- Что? – подавился криком Старшой.

- Стоять и слушать.

При слове «слушать» слухач вытянул шею и принялся оглядываться по сторонам. На всякий случай.

- Едем за Предел.

Слухач застыл в пол-оборота. Старшой окаменел. В его больших, с часовой циферблат, глазах читалось недоумение пополам с весьма неприглядными словами, которые он был бы рад озвучить, если бы не опасность быть здесь же и закопанным.

- Поворачивай. В посёлок на машине. Там боевой «пять-ноль». Не рисковать. Не нарываться. Помнить, что сначала голову оторву я.

- Но командир, - в стремлении воззвать к здравому смыслу Старшой успел сказать только два слова.

- Не нарываться, - многозначительно повторил Седой и глухо скомандовал: - Трогай.

Пикап рывкнул и рванул в обратную от дома сторону. Всё время, пока колёса не пересекли границу, Старшой вёл машину с мрачным видом и пытался вспомнить, кто из бойцов отважился попасть за Предел на машине и, самое главное, кому из них удалось вернуться обратно живым. Вспоминалось плохо. Особенно про вернувшихся.

Впереди показалась зелёная полоса. Поле с густой, запутаться можно, травой бежало навстречу. Красивое и опасное, оно уже готово было броситься под колёса, но Старшой резко нажал на тормоз. Пикап обиженно взбрыкнул и остановился.

- Закапывай, - прошипел Старшой и с вызовом посмотрел на командира.

- Сам залезешь, - неожиданно бодро отозвался тот.

- Тогда ж какого, - от потока отборных, закрученных штопором ругательств слухач разинул рот да так и застыл.

Седой удивляться не стал. Вместо этого он достал из мешка коробочку, на которой ярко горел жёлтый индикатор.

Теперь челюсть отвисла у Старшого.

- Ты же выбросил его. Нет?

- Нет, - осклабился Седой. – То был запасной. Забыл? Положен по инструкции.

- Выходит, ОНИ унесли пустой контейнер?

Седой пожал плечами. Посмотрел на весёлый огонёк в руках, на широкое, до горизонта поле.

- Унесли. Думали, что там осколок. И до сих пор так думают. Проверить-то никак. Замок на отпечатки пальцев заточен. А вот мы посмотрим, как они себя поведут, когда мы им его достать пообещаем.

- Почему мы, а не учёные? – насупился Старшой.

- Потому что они всё равно ничего не расскажут. Им нет дела ни до жути, ни до нас. А мне уже надоело работать курьером по доставке грузов с минного поля. И потом... не знаю, как ты, а я бы очень хотел знать, ради чего мы так рискуем.

- Это бунт, командир. И куда круче моего, - Старшой ладонью прижал отвисшую челюсть слухача. – Но я согласен.

Рыкнув, машина переехала границу, приминая сочную зелёную траву.

Глава 6

Посёлок не изменился. Пять домов, девять пристроек. Заборчики. Блеклые, выцветшие, унылые. Не то, что жить – смотреть тошно. Тройка не смотрела. Во-первых, привыкла, во-вторых, не до того было.

Первым из пикапа выбрался слухач. Отошёл машины, завертел головой, засуетился, задёргался. Остальным тоже стало не по себе.

Посёлок стоял пустой. Никого. Ни у сарайчиков, ни на дороге, ни у домов, ни на скамейке. Ветра, который обычно гонял пыль и теребил сорняки у заборов, и того не было.

- Твою дивизию, - ругнулся Старшой и вздрогнул.

Голос прозвучал непривычно сдавленно, как сквозь вату.

Седой стрелял глазами из-под хмурых бровей, косил на слушача, раздумывал. На тёмном от пыли лице крупными буквами красовалась надпись: «Не нравится мне всё это».

Рядом засопел Старшой. Выразительно так. Со смыслом.

Ответа не прозвучало. И командир, и слушач пытались уловить хоть какое-то подобие жизни в посёлке, который сейчас больше всего на свете напоминал забытую киношниками декорацию.

- Бардак, - проговорил Старшой, - настоящий бардак. Ни «здравствуйте», ни «до свидания». Совершенно невоспитанные жути.

- Как будто раньше они были лучше, - отмахнулся Седой, - когда по первому времени нападать пытались.

Словами отмахнулся, потому одна рука лежала на потрёпанной, но надёжной «Ежанке», а во второй мёртвым грузом – кругОм по-прежнему было тихо – лежал датчик: слушач, конечно, своё дело знал, но иногда мог зависнуть или уйти в себя.

- Раньше они хотя бы были, - огрызнулся Старшой. – А сейчас что? Может, они всей толпой идут в Город. Или того хуже...

- Не думаю, - тихо отозвался Седой.

Датчик и слушач засекали перемены вместе. Первый еле слышно стрекотнул, второй метнулся к машине, прижался к грязному боку. На месте, где стояли командир и Старшой, остались вдавленные в пыль следы от рифлёных подошв.

Медленно, словно с нормальным звуком исчезло и время, поползли секунды. Пять, десять, тридцать, сто, триста... спустя вечность у забора качнулись, осыпав пыль, лопухи и послышался приглушённый голос Старшого:

- Знал, что ли? Или только догадывался?

Датчик продолжал биться в тихой истерике. В точно таком же состоянии находился и слушач, который, отодрав спину от железа, пытался ползком пробраться ближе к Седому.

Командир и Старшой – каждый из своего укрытия – не сводили глаз с низенького, в пять окошек, дома, из-за которого появлялись местные. Не

шли, не двигались – именно появлялись. Множились без движения, рассыпались игральными картами, растекались масляными пятнами. Высокие, низенькие, старые, молодые, взрослые и не очень. Скоро всё пространство заняла большая пёстрая толпа.

Местные. Жители Запределья. Странные создания без слов и движений. Жути. И эти самые «жути» - все, от мала до велика – сейчас смотрели туда, где скрывались три человека.

Глава 7

Прятаться не имело смысла. Бежать – тем более. Не для этого возвращались, нарушая все возможные приказы и порядки. Из всех более-менее сносных вариантов оставался один. Переговоры.

Плавно, без резких движений, Седой выбрался из кустов, знаком осадил Старшого, чтобы пока не двигался, шагнул навстречу. Жути не шевелились.

Ещё шаг.

Никакой реакции.

Седой решил не искушать судьбу, остановился и принялся изучать лица. Старик. Лет семьдесят. Морщины, щетина, линялая кепка. Женщина в ношеном пальто. Лет сорок, не больше, усталая, измождённая. Подростки. Лет по четырнадцать-шестнадцать. Бледные, тонкие, как грибы-поганки. Мужик в куртке. Распрямить спину – тот ещё качок. Рядом интеллигент в старомодной шляпе. Девушка с ведёрком в руке. Бабулька в ватнике с разными пуговицами...

Рассмотреть остальных не получилось. Толпа дрогнула. Пошла помехами, расслоилась, выпустив вперёд девочку в красном платье. Светлые глаза смерили человека в камуфляже с оружием в одной руке и датчиком в другой.

- Наша вещь – у вас, - тихо и строго, как в прошлый раз, произнесла девочка. - Отдайте её.

Седой кивнул. Играть в няньку он не собирался. Игры закончились тогда, когда стало ясно, что собой представляет этот милый ребёнок. Притворяться, что осколок в брошенном контейнере – тоже.

Человек в камуфляже и странное, совершенно непонятное создание под видом девочки смотрели друг другу в глаза. Изучали. Прощупывали. Пытались понять.

За спиной тревожно зашуршали кусты, но Седой не стал отвлекаться. Старшой хоть и трепло, но далеко не дурак, глупостей делать не станет.

- Отдайте, - повторила девочка, но почему-то показалось, что говорит вся толпа.

- Обмен, - проговорил Седой. – Осколок в обмен на информацию.

Теперь кивнул уже ребёнок. Седой прищурился, подобрался, словно перед прыжком и погнался:

- Форма жизни?

- Адаптированная, - ответ прозвучал чётко, резко, совсем не по-детски.

- Цель?

- Сохранить себя.

- Условия выживания?

- Осколки основного реактора.

- Вы можете переходить границу?

- В исключительных случаях.

- Как часто вы это делали?

- По необходимости.

- Вы представляете опасность?

Девочка на секунду остановилась. Потом точно так же, как боец, сузила свои светлые глаза и ответила:

- А вы?

Сорняки за спиной зашуршали уже громче. Нехорошо так зашуршали. Почти сразу взревел раненым зверем пикап. Из-под колёс полетели пыль, камни. Бешено заорал, матеря всё и всех, Старшой.

Седой пружинисто вскочил с земли, куда он метнулся, чтобы не попасть под колёса, стал рядом с подбежавшим Старшим. Два бойца – всё, что осталось от тройки – смотрели, как по поселковой дороге на бешеной скорости к границе мчится пикап.

Глава 8

От досады хотелось завывать. Или пнуть как следует. Второе желание было даже сильнее. Вот только тот, кому бы следовало получить заслуженный пинок, в настоящее время гнал машину к Городу и знать не хотел, что у его товарищей чесались руки.

- Теперь что? – не спросил - выдохнул красный от крика и злости Старшой.

- «Пять-ноль», - процедил командир, оглядывая толпу, которую пару минут назад протаранил пикап.

Проскочил и хоть бы что. Никаких изменений. Местные как стояли, так и продолжили стоять на месте.

- Призраки? – тихо предположил Старшой.

- Кто их знает, - в тон ему ответил командир.

- Тогда точно «пять-ноль». Ситуация, вышедшая из-под контроля, допускает неговоренные ранее действия, - как по учебнику прогнусавил Старшой и покосился на Седого: - Чего мы сейчас допускать будем-то?

Вместо ответа Седой достал из сумки контейнер. Ярko горел, предупреждая об опасности, жёлтый индикатор.

- Ты чего это? А?

Ответа не последовало и в этот раз. Человек в старом, пропитанном потом и пылью, камуфляже сделал несколько шагов к девочке в красном платье. Остановился. Приложил большой палец к корпусу, заставил хитрый замок подчиниться.

- Забирай.

Светлые глаза посмотрели на лежащий в широкой ладони контейнер, потом на того, кто этот контейнер отдавал. Долго. Внимательно. Пристально.

- Бери, бери, - кивнул Седой. – На этот раз без обмана.

Тонкая рука медленно потянулась к коробке, зависла над ним. Бледные, почти прозрачные пальцы обхватили маленький, ничем не примечательный с виду, камень. На не по-детски серьёзном лице проступила едва заметная улыбка.

Сдавленно охнул Старшой. Боец, которому давно надоело считать свои броски за Предел, не мог спокойно смотреть, как странное создание

отравленного, оставленного всеми и вся мира, тихо радуется опасному подарку.

Не по себе стало и Седому. Он первым заметил, как дрогнула толпа, расплылась слезливыми потёками, задрожала, а все, кто был там одновременно посмотрели в одном направлении. И не на девочку в красном платье, не на осколок в кулаке. Жители Предела смотрели на него – на человека, который добровольно отдавал то, за чем приехал. То, за чем люди с другой стороны Границы охотились уже два десятка лет. Уносили. Избавлялись. Уничтожали. И знать не хотели, что все эти страшные находки, которые когда-то появились из-за человеческой халатности, являются частью новой жизни. Непонятной, неведомой, странной жизни на территории отчуждения.

Девочка с осколком в руке направилась к толпе, которая уже смотрела не на человека. Всё внимание стоящих стеной обитателей Предела было обращено на маленький предмет в руке создания, похожего на ребёнка.

- Они, что, его есть будут? – тихо, чтобы не услышали запредельщики, спросил Старшой.

- Подпитываться. Я так понимаю, - в тон ему ответил командир.

- Не понял...

Что именно не понял Старшой, он так и не договорил. Помешала челюсть, которая отвисла во второй раз за сутки.

Толпа стала таять. Так и не сделавшие ни одного движения фигуры пропадали, словно кто-то водил по ним огромным ластиком. Последней исчезла девочка в красном в горох платье.

В заброшенном посёлке остались только два человека.

Глава 9

Остаться на ночь не стали. Отдохнули полчаса на почти утонувшей в лопухах облезлой скамейке у покосившегося штакетника и зашагали в обратном направлении. В Город. Домой.

Шли молча, печатали берцами заброшенную, в застывших колеях, дорогу, скользили взглядом по сторонам. Долго шли. Минут тридцать. Потом Старшой не выдержал.

- Так они всё-таки кто?

- Вернись и спроси, - Седой поправил ремень на плече, вздохнул устало. – Вот пристал. Тебе ж сказано было – адаптированная форма жизни. Приспособленцы. Выживают, как могут. Сначала за людьми гонялись, теперь вот за осколками.

- И как выживают?

- Это не ко мне. К учёным. Только не скажут они. Во-первых, потому что нас к ним не пустят, а вот-вторых, чую, они сами не знают.

Старшой крякнул.

- Не знают, не знают. Поэтому и отправляют нас за Предел изучать – что да как.

- За осколками отправляют, - уточнил Старшой.

- Да дались им эти осколки, - хмыкнул командир, - у них таких останков от реакторов вагоны. Каменюки – это только повод.

- Это что же, раскудри их, получается? Нас забрасывают за Предел как подопытных кроликов?

- Только сейчас догадался? – глаза Седого из обычных стали жёсткими, злыми. – А я давно в отчётах пишу, как одни подопытные кролики изучают жизнь других подопытных кроликов в условиях отдельно взятого ареала. И не только я. Много нас за Предел таскается по приказу.

- Иди ты...

- Иду, - кивнул Седой. – Каждый раз иду и мечтаю, чтобы меня оставили в покое. От такой жизни даже думать стал больше, чем положено.

Старшой сердито засопел. Откровенность командира ему не нравилась. Очень сильно не нравилась. Настолько, что он даже решил рискнуть, проявив заботу:

- Это всё усталость, командир. Усталость, ЧП в посёлке и бзик слухача.

- У слухача не бзик. Шок. Наш живой датчик просто зашкалило и замкнуло. Хорошо, если месяца через два очухается. Лишь бы машину не разбил, чувствительный наш. А в посёлке... Не было там никакого ЧП. Местные просто изменились, перелиняли из одного вида в другой и дали понять непрошеным гостям из Города, что следует нарушать правила гостеприимства и тащить полезные вещи без спроса.

- Эх, сигареты в машине остались, - посетовал Старшой, чтобы хоть как-то переключить командира. Или остановить.

- Здоровее будешь, - откликнулся тот и вдруг рассмеялся: - Всё, всё, больше не буду. А то решишь, что я раскис. Или умом тронулся. Хотя, последнее близко. Все мы тронулись. И по эту сторону границы, и по другую.

- Интересно, когда, - пробурчал Старшой.

Не смог себя сдержать. Спросил.

- А вот это уже вопрос философский, - проговорил Седой и, поправив в очередной раз ремень, затопал по высокой – по колёно – траве.

1.08.2018г. Lisyara